
несладкая белая манка
по цельсию минус один
сердечная синяя ранка
любовь твоя валокордин

минута и двор запорошен
повсюду ч/б монохром
вторая и ты огорошен
каким-то начальным стихом

а дальше уже по привычке
опять загоняешь в строку
трёх серых замёрзших синичек
на первом январском снегу

но что мне до этих пернатых
играющих чёрной лузгой?
не надо ты слышишь не надо
себя занимать чепухой

Тяжёлое небо над Сходней
Сорвётся, того и гляди.
Последний листок прошлогодний
В земной догнивает груди.

Простая лежит побежалость
На чёрном металле сыром.
Ещё бы — последняя малость —
Не думать совсем ни о чём.

Разглядывать новую осень,
Забыв про мирские дела:
Мгновенная чистая просинь,
Уснувшая в листьях пчела,

От ветра бегущие змейки,
У берега рваный рогоз,
Вспотевшие в парке скамейки,
Дворовый зачуханный пёс,

Который отчаянно лает
И смотрит куда-то наверх,
Где ангел беспольный летает
Беспомощно любящий всех.

Приведи мои мысли в порядок,

Поверни их лицом на восток.
Я пойду за твоим звукорядом
На зовущий по-птичьи манок.

Городского устройства морока –
Мой единственный шёлковый путь.
Мысли в голову лезут с востока
И мешают, мешают уснуть.

Я не верю в красивые речи
И поэтому чаще молчу,
Но из всех семи рек Семиречья
Мне запомнилась южная Чу.

Впрочем, детская эта причуда
Мне простительна – детство, «совок»:
Чтоб уснуть, я считаю верблюдов,
Чтоб проснуться – смотрю на восток.

Весной тем паче когда на треть
Закончен год и болит душа
Не отрываясь могу смотреть
На звёзды маленького ковша

И путеводная на конце
И остальные его огни
Напоминают мне об отце
Коему все говорят сродни

Куда ни взглянешь, на твоих глазах
Сезонная творится обнажёнка.
Лес оголился, и рояль в кустах
Уже не спрячешь куцей одежкой.

Привет, ноябрь! Я слышу хрипотцу
Почти уже случившегося наста
И собираюсь в Вишеру к отцу,
Что, в общем-то, случается не часто.

Рубцовское сияние небес,
Ленивая и сладкая дремота,
И стылый воздух, и облезлый лес,
И странное предчувствие чего-то –

Того, что я не в силах побороть.
Не каркайте, вороны-балаболки!
Ведь я предполагаю, а Господь

Работает согласно поговорке.

И смех, и грех, и снег в затылок,
И как всегда за гаражи
Под колокольный звон бутылок
Ушли две борзые души.

Два самозванца, два лжебрата,
Ночная вишерская тать
Могли отведать суррогата
И богу души не отдать.

Рингтон подержанной мобилы,
Сырок космический «Карат»
Способен только в четверть силы
Смягчить им этот суррогат.

А как ещё? Им «Сектор газа»
Стезю такую завещал,
Где каждый пил с восьмого класса
И жизни панковской алкал.

И смех, и грех, и жить не мило,
Но вышло так, что — хоть убей,
Не помню ничего помимо
Той светлой пары гопарей.

Ночь чернильная кромешна на беззвёздный небосклон
Надвигается неспешно атлантический циклон

Ждёт эпической концовки пожилой панельный дом
Как и прочие хрущёвки отошедшие на слом

Не смотри пятиэтажный на чужой шестой этаж
Отойдём и мы однажды в незначительный тираж

А теперь зима такая что я вспомнил как в ночи
На конфорках остывая грели кухню кирпичи

Да мой друг бывало всяко это нынче мы в тепле
И питаемся не бякой быстрого приготовле

Парим красную горбушу разливаем ле пти ша
А тогда за милу душу шла дешёвая лапша

Это нынче в добром сбере ипотеки раздают
Чтобы был по крайней мере однокомнатный уют

В недалёкой балашихе в свежавыросшем жк
Где панельки небольшие и загажена река

Под названием пехорка что тут скажешь коль уже
Отмирает поговорка с милым рай и в шалаше

Счастье в юности наивной даже если год от го
Кроме как любви взаимной не имеешь ничего

СТЕЗЯ

I

Как хочется глушить в глуши
Провинции забытой,
Напиться за помин души
Страны моей немойтой.

С тоской уставясь на восток
И с жалостью на запад,
На грудь накапать граммов сто,
А на мозги не капать.

И не бояться сквозняка
Из раненной фрамуги.
И знать, что жизнь твоя легка,
Как танец буги-вуги.

II

Весна уже не за горой,
Пейзаж убог и жалок,
Пока зима не снимет свой
Последний полушалок.

Ещё до схода белизны
Сквозь сваленный валежник
Растёт солдатиком весны
Воинственный подснежник.

И вместе с ним под птичий грай
Растёт пасхальный тальник.
И солнце льётся через край
В натопленные спальни.

III

«Зинь-зинь, зинь-зинь, циик-циик», –
Поют с утра овсянки.
На завтрак кушает мужик
Тарелку сладкой манки.

«Циик-циик, зинь-зинь», – ну вот
Обед щебечут пташки.
Мужик копает огород
В засаленной рубашке.

Работа спорилась в руках,
Уже и час закатный.
Такая жизнь у певчих птах
И голи перекаточной.

IV

Эх, здесь у всех одна стезя,
Сиречь, драматургия:
Жить и тужить, как наша вся
Превся периферия.

Не то, что там – за полотном
За железнодорожным,
В запутанном и суетном
Миру пустопорожнем.

Куда, испытывая страх,
Уже не раз летала
В своих восторженных мечтах
Душа провинциала.

V

Блестят все площади Москвы,
Помазанные глянцем.
По ним гуляете, увы,
Не вы, а иностранцы.

И хорошо, что нет дождя
И льётся только солнце.
Вот ищут мёртвого вождя
Два маленьких японца.

Супруга и её супруг
Определяют, где он.
И щерится на мир вокруг
Их ненасытный Canon.

VI

Играет солнце на стекле
Всех башен Москва-сити.
У нас две жизни: на земле
И под землёй, простите.

В метро спускается Орфей

За юной Эвридикой
И там теряет свой трофей
В час пик при давке дикой.

Сюжет до ужаса простой,
До пошлости банальный:
Она была на кольцевой,
А он – на радиальной.

VII

Быть парнем лучше от сохи,
А не от жизни пёстрой.
Какие дуры всё-таки
Те чеховские сёстры.

Как хочется глушить в глуши
Провинции забытой,
Напиться за помин души
Страны моей немытой.

Лепи горбатого, лепи.
Втирай очки народу.
Сидишь в Москве, как на цепи,
И лаешь на свободу.